

ДИСКУССИИ

О ПРИРОДЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО НАЙМА

З. К. ЯНЕЛЬ

Статья Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова¹ повлекла дискуссию, обнаружившую узкие и спорные места в изучении генезиса аграрного капитализма. Очевидной стала необходимость предварительной разработки ряда частных вопросов.

Три автора дискутируемой статьи сосредоточили все свое внимание на тех формах найма, которые связаны с крестьянским отходом на заработки, т. е. на свободном найме, справедливо полагая, что как раз он должен прежде всего приобрести капиталистическую окраску. Но, хотя «в XVII—XVIII вв. для разорявшихся слоев деревенского населения открываются новые возможности существования» — отход в промышленность, на транспорт, — меньше всего их использовали крестьяне барщинных поместий, где малоземелье, по признанию самих авторов, особенно прогрессировало². Что значит этот факт для оценки характера крестьянского расслоения? Означает ли он, что «значительная часть пауперов в конечном счете опять попадала в орбиту феодально-крепостнических отношений и исчезала с рынка рабочей силы», или, может быть, он тоже «выражал собой прогрессирующее буржуазное расслоение крестьянства»?³ Каково же отношение к буржуазному расслоению массы малоземельных крестьян барщинных поместий, оставшихся на месте? Вступали ли они в отношения найма? Если да, то какие формы принимал найм? По-видимому, авторы не должны были терять из виду, что найм найму рознь. На это уже обратили внимание не только критически настроенные в адрес их статьи исследователи (Л. В. Милов, И. Д. Ковальченко), но также их единомышленники (И. А. Булыгин), конечно, каждый по-своему.

Мы согласны с И. А. Булыгиным, что «формы и виды найма могут быть различными. Одни из них носят капиталистический, другие — феодальный характер. Поэтому нельзя из одного факта наличия наемной рабочей силы делать заключение о возникновении капиталистических отношений. Необходим анализ отношений, возникающих в каждом случае»⁴. Одному из видов феодального найма посвящена наша статья.

¹ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв. «История СССР», 1962, № 3.

² Там же, стр. 90, 91.

³ Там же, стр. 91.

⁴ И. А. Булыгин. О капиталистическом расслоении крестьянства в дореформенной России. «История СССР», 1964, № 4, стр. 77.

Явление, известное под условным названием «принудительный найм», сложно и антагонистично. Уже само сочетание слов «принудительный» и «найм» есть *contradictio in adjecto*. Найм, т. е. сделка купли-продажи рабочей силы, это сделка обособленных товаровладельцев, связанных между собой лишь рынком. Но определение найма как принудительного ставит на место рынка режим феодального поместья, а на место независимых товаровладельцев — зависимого крестьянина и его господина. И тем не менее найм в феодальном обществе почти всегда отмечен печатью внеэкономического принуждения. В этом смысле многие виды найма при феодализме могут быть названы принудительными. Принудительный найм в узком смысле слова включает только внутрипоместный найм.

Проблема принудительного найма интересует нас как часть проблемы использования труда малоземельного и безземельного крестьянства в барщинном фольварке, т. е. в феодальном хозяйстве товарного типа. Рост фольварочной системы всегда и всюду сопряжен с разбуханием низших слоев крестьянства, что придает вопросу о роли бедняков в системе господского хозяйства особое значение. Мнение, что значительное увеличение низших групп крестьянства при любых обстоятельствах и на любом этапе есть признак кризиса барщинно-фольварочной системы, отражает упрощенный и, пожалуй, метафизический взгляд на вещи. Барщинные батраки Прибалтики, подсадки и загродники Галичины, приемыши и дольники Смоленщины, челядники Украины — все эти категории фольварочного крестьянства свидетельствуют не только о том, что фольварк дифференцировал крестьянство и накапливал нищету, но также о том, что барщинно-поместная система вырабатывала собственные формы эксплуатации труда малоимущего крестьянства (или перерабатывала чуждые ей формы, например найм), обеспечив тем самым свое длительное существование в качестве феодальной системы. Вместе с тем экспроприация в таких масштабах, как это происходит обычно в укрепляющемся барщинном поместье, конечно, указывает на зарождение внутреннего противоречия, чреватого кризисом в будущем. Однако при своем появлении противоречие еще не развито, оно не только не успело прийти в столкновение с возможностями дальнейшего прогресса барщинно-фольварочной системы, но и не ощущалось как антагонизм. Больше того, элементы грядущего конфликта составляли сперва условия товарного прогресса фольварка. Одним из таких элементов является принудительный найм. Так же как все своеобразие национальных и местных форм эксплуатации малоимущего барщинного крестьянства (поскольку оно не эксплуатируется как обычные тяглые держатели) может быть сведено к какой-либо из двух «грунтформ» — к эксплуатации непосредственно в господском хозяйстве (челядники, мызные батраки) или к эксплуатации через хозяйства тяглых крестьян (приемыши, дольники, подсадки), — так и все случаи принудительного найма представляют собой либо работу крепостного у своего помещика (за ординарию, за денежную плату), либо работу одного крепостного (неимущего) у другого⁵. Из всех вариантов внутрипоместного найма мы выделяем лишь найм в господском, феодальном хозяйстве, поскольку отношения найма между крепостными поместьями имеют специфику, а значит, требуют самостоятельного рассмотрения.

Принудительный найм как единичный акт представляет почти полную противоположность свободному найму. При свободном найме собственник денег — покупатель, и собственник рабочей силы — продавец, встречаются на рынке как равноправные, независимые друг от друга

⁵ Отсюда не следует, что внутрипоместный найм крестьянина крестьянином всегда по своему характеру принудительный.

ни лично, ни хозяйственно товаровладельцы. Происходит обмен товаров, не содержащий сам по себе «никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы»⁶.

В принудительном найме «продавец» — это крепостной крестьянин, а «покупатель» — его господин, т. е. стороны находятся в отношениях личной зависимости и хозяйственной необособленности. Собственник земли присваивает, или, скажем, «покупает», поскольку в позднее средневековье здесь все чаще участвуют деньги, рабочую силу своего крестьянина, который будучи крепостным, не является полным собственником своей рабочей силы и распоряжаться ею без санкции помещика — «покупателя» не может. Поэтому «покупатель» получает рабочую силу, не прибегая к рынку, путем «натурального обмена услуг», внутри поместья. Денежная форма оплаты не меняет личного характера сделки, так как не нарушает феодальной собственности на личность крестьянина, не обособляет «продавца» и «покупателя», не ставит крестьянина в сколько-нибудь самостоятельное отношение к рынку. Вместе с тем в принудительном найме деньги сохраняют функцию платежного средства, хотя регулируют отношения, которые порождаются товарно-денежным обращением лишь опосредованно, являются лишь побочным результатом его развития вне поместья. В принудительном найме рабочая сила крепостного через деньги обретает товарную видимость, хотя товаром не становится. Денежная оплата при этом имитирует заработную плату, хотя ею является сугубо формально.

Если рассматривать принудительный найм не как изолированный акт, а как процесс производства и воспроизводства, то обнаружится, что в нем воспроизводится чуждый этой форме (найму) строй феодальных социально-экономических отношений. Больше того, именно те виды принудительного найма, которые кажутся наиболее сближенными с свободным и даже капиталистическим наймом, в силу того, что крестьянин работает господским инвентарем, на самом деле представляют вариацию феодальных отношений, предельно близкую к отношениям в рабском, плантаторском хозяйстве, где «раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁷. Пока рабочая сила не выносятся свободно на рынок, возобновление подобного результата неизбежно, кому бы ни принадлежал сельскохозяйственный инвентарь и каковой бы вид ни принимала оплата труда крепостного крестьянина.

Если воспроизводство производственных отношений в принудительном найме совершается без всякого вмешательства рынка, то воспроизводство условий хозяйствования совсем не исключает рынка. Но покупка феодалом инвентаря или денежное вознаграждение наймитов, уменьшая долю прибавочного продукта реализуемого феодалом в натуральном виде, равно как часть необходимого продукта, потребляемого крестьянином натурально, не выходит за пределы простых товарных отношений.

Ничто не переменится в социально-экономической характеристике принудительного найма, если место простого воспроизводства займет расширенное. Разница чисто количественная⁸.

Все это, вместе взятое, допускает вывод, что принудительный найм есть форма ложного найма. Эта форма заимствована из товарно-денеж-

⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1955, стр. 174.

⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1953, стр. 803.

⁸ «В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно, больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста до тех пор, пока рабочему средства его производства, а следовательно, его продукт и его жизненные средства не противостоят еще в форме капитала». (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 603).

ного мира и перенесена в мир натуральный, который выхолостил рыночное нутро найма и, сохранив себе оболочку, наполнил ее отношениями личной зависимости. Принудительный найм возникает как синтез товарной формы и барщинного существа⁹.

Интерес к природе и эволюции принудительного найма тем чаще возникает у советских исследователей, чем шире и глубже идет изучение барщинного фольварка. Не став еще предметом самостоятельного исследования ни в плане конкретно-историческом, ни в плане теории, принудительный найм уже превратился в предмет разногласий. Выявились два основных взгляда. Один, уже изложенный нами, заключается в оценке принудительного найма как скрытой барщины, как барщины деформированной, барщины, преобразованной под напором товарно-денежных отношений. В этом случае эволюция и судьба принудительного найма в принципе не отличается от эволюции и судьбы барщинной ренты. Имеются в виду исключительно система *Gutsherrschaft* и восточноевропейский тип аграрного развития¹⁰.

Другая точка зрения состоит в определении принудительного найма как формы, переходной от барщины к вольнонаемному труду. Эта точка зрения, наиболее мотивированно высказанная в работах И. В. Созина и В. А. Маркиной, представляется нам для восточноевропейского типа аграрного развития ошибочной.

Мы попытаемся как можно точнее очертить границы и причины наших разногласий, что подчас сделать довольно сложно, так как обе точки зрения соединены рядом неуловимых переходов и даже обладают известной общностью.

⁹ Историографическая справка. Д. Л. Похилевич квалифицирует принудительный найм как скрытую барщину («Из истории аграрных отношений в западных воеводствах Великого Литовского княжества в XVI и первой половине XVII века». Сб. «Средние века», вып. VI, стр. 173; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв., Львов, 1957, стр. 88). А. М. Панкратова в найме путем «принудительного рекрутирования наймитов из среды «охудалых» и маломочных крепостных крестьян, у которых часть наемной платы зачитывалась в оброк» и путем «принудительного набора обученных людей из населения вотчины» видела «феодално-крепостническую эксплуатацию, облеченную в форму найма» («Наймиты на Руси в XVII в.», Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 212). А. М. Карпачев полагает, что «принудительный найм только условно может быть назван «наймом»... производственные отношения при этом «найме» оставались в своей основе феодальными» («О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в.», «Тезисы докладов и сообщений на пятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы» (на правах рукописи), Минск, 1962, стр. 142). Ю. М. Гроссман также считает, что «принудительный найм был одной из форм увеличения барщины...», что «...отождествлять такого рода найм с капиталистическим не приходится» («Положение крестьян Лежайского староства (вторая половина XVI — начало XVII в.», «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. V, М., 1962, стр. 50). И. В. Валкина пишет, что, хотя Свенский монастырь, нанимая своих крепостных, ставил их «в положение наемных людей» («Расслоение крестьянства и работа по найму в вотчинах Свенского монастыря (20—60-е годы XVIII в.)», Сб. статей «О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958), они таковыми в полном смысле не были, что сама работа крестьян оставалась барщиной, но барщиной, потерявшей свою феодальную «чистоту». Автор видит отличие между наймом к своему монастырю и на сторону лишь в степени отрыва крестьянина от хозяйства (длительность периода найма) (стр. 252, 254, 255). Нам подобная разница представляется чисто количественной. Гораздо важнее кто нанял крестьянина. В первом случае это всегда феодал, во втором — может быть и представитель капитала. О. Е. Иванова оценивает найм помещиком своих малоземельных и безземельных крестьян как «чисто феодальный» вид найма («История Польши», т. I, М., 1954, стр. 266. Раздел написан совместно О. Е. Ивановой и Д. Л. Похилевичем. Автор же другого раздела этого издания — Н. П. Митина думает, что помещик в этом случае выступает не только как «эксплуататор-феодал», но даже «как эксплуататор-капиталист» (там же, стр. 372). Вывод, безукоризненный только с точки зрения формальной логики. Ход рассуждения: капитализм — это найм, но принудительный найм — тоже найм, его помещик, нанимающий своего крестьянина, — капиталист).

¹⁰ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

Важным источником принудительного найма, и это хорошо показано В. А. Маркиной в ее монографии «Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII века» (Киев, 1961), было челядничество¹¹. Введение оплаты превращает его в один «из видов принудительного найма»¹². В этом утверждении В. А. Маркина расходится с И. В. Созиным, который относит челядничество к крепостному батрачеству, очевидно, считая последнее категорией, не подпадающей под понятие «принудительный найм». Не причислив «официально» челядничество к принудительному найму, И. В. Созин тем не менее характеризует труд постоянной фольварочной челяди как наемный труд, но не «простой» (свободный? — З. Я.), а наемный труд крепостных на собственного помещика со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. принудительный по существу¹³. Поскольку критерий размежевания приобретает неуловимые черты, челядничество фактически превращается в тайную разновидность принудительного найма.

В истолковании природы принудительного найма И. В. Созин и В. А. Маркина близки. «В первой половине XVIII в., — пишет И. В. Созин, — принудительный наем в Водзиславском ключе еще мало отличается от обычной барщинной повинности»¹⁴. Одновременно И. В. Созину «в конкретных условиях Водзиславского ключа особенно трудно представить наем, являющийся здесь по преимуществу принудительным, как более или менее завуалированную разновидность барщины»¹⁵. Вероятно, в этой трудности повинна оплата, наличие которой сближало «эту форму эксплуатации непосредственных производителей с системой капиталистической (! — З. Я.) эксплуатации наемных рабочих»¹⁶.

Оба автора, признавая принудительный найм «вознаграждаемой барщиной», подчеркивают деформацию барщины под тяжестью товарно-денежных отношений. Из этого бесспорно в конечном счете вытекает мысль о том, что применение принудительного найма выходит «за рамки обычных отношений, наблюдаемых в эпоху феодализма», а его рост на определенном этапе начинает разлагать крепостнические отношения¹⁷.

Однако всякая ли форма разложения и при всех ли обстоятельствах представляет собой форму перехода к новым отношениям, форму, делающую такой переход возможным, форму, несущую способности к развитию зародыши новых качеств? Думаем — нет, и принудительный найм, в частности, подобной формой ни логически, ни исторически в восточно-европейских условиях не является. Свободный найм, а тем паче капиталистический, не следует связывать с любым, даже хронологически ему предшествующим, видом найма. Развитие свободного и принудительного найма в восточноевропейском барщинном поместье не этапы одного процесса, а разные процессы, друг из друга не вытекающие, а лишь друг за другом следующие. Между ними стоит отмена крепостного права, разрушающая в большей или меньшей степени вместе с барщинной системой систему принудительного найма, а вовсе не усвершенствующая ее, как пишет И. В. Созин¹⁸. Этим разрушением расчищается почва для роста свободного найма.

¹¹ Имеется в виду челядь, занятая на сельскохозяйственных работах: ратаи, формали.

¹² В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 137, 139.

¹³ И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства южной части Польши в 70-х—90-х гг. XVIII в. «УЗ Ин-та славяноведения», т. XX, М., 1960, стр. 125—126, 138.

¹⁴ И. В. Созин. Помещичье хозяйство южной Польши в 70—90-е годы XVIII в. (зерновое хозяйство Водзиславского ключа). «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1, стр. 144.

¹⁵ И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства., стр. 145, 130.

¹⁶ И. В. Созин. Помещичье хозяйство южной Польши., стр. 147.

¹⁷ И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства., стр. 137; В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 146—148.

¹⁸ И. В. Созин. Помещичье хозяйство южной Польши., стр. 143.

По мнению В. А. Маркиной, переходные черты принудительного найма заложены прежде всего в факторе оплаты. Оплата делает барщину принудительным наймом. В дальнейшем она придает принудительному найму переходный характер: рабочая сила крепостного, оплаченная деньгами, становится товаром, хотя еще не «в полном смысле этого слова», а крепостной — ее продавцом, правда, «в регулировании отношений между продавцом рабочей силы и нанимателем решающая роль принадлежала внеэкономическому принуждению»¹⁹. Оценка возникающих вследствие изменения одной лишь формы оплаты отношений между феодалом и его крепостным как отношений товаровладельцев, да еще регулируемых внеэкономическим принуждением, нуждается в теоретическом анализе. У нас она вызывает недоверие. Безусловно, введение оплаты, особенно денежной, не было безразлично для феодальных основ барщинного хозяйства. Оплата — это отход от классических феодальных форм. Однако в данных условиях новая форма хранит старое содержание. Крестьянин продолжает работать в господском хозяйстве в силу внеэкономического принуждения — это старый барщинный принцип. «Заработной платой» служит не земельный надел, а продукты или деньги — это новая форма, в которую втиснуто старое существо²⁰. Найм в нашем случае не опосредствуется рынком, не является актом купли-продажи. Крепостник «покупает» то, что принадлежит ему по «внеэкономическому праву», по цене, установленной им, а не на рынке; крепостной «продает» свой труд, т. е. то, что вовсе не является его собственностью, так как он вместе со своей способностью к труду раз и навсегда принадлежит крепостнику. Отношения найма существуют чисто формально. Поэтому, соглашаясь с В. А. Маркиной, что в принудительном найме крестьянин «эксплуатировался как держатель земельного надела от феодала и подчинялся внеэкономическому принуждению, что было выражением крепостнических отношений», мы не считаем введение денежной оплаты «нарушением натуральных взаимослуг»²¹, а рабочая сила челядника — почти товаром. Принудительный найм — это феодальный найм, т. е. найм формальный, построенный на внеэкономическом принуждении, или внеэкономическое принуждение, принявшее форму найма.

Значительно более осторожно резюмирует свои наблюдения И. В. Созин. Считая принудительный найм новой формой эксплуатации непосредственных производителей, он нигде прямо не квалифицирует отношения, складывающиеся в принудительном найме, как отношения между товаровладельцами. Правда, И. В. Созин не всегда достаточно последователен и четок в выводах. Утверждение, что оплата труда челядника «зависела лишь от воли помещика, и никакие внешние обстоятельства (=рынок? — З. Я.) на размер ее не влияли»²², равносильно утверждению, что в принудительном найме менялась лишь форма получения прибавочного труда по сравнению с отработочной рентой. И. В. Созин неоднократно возвращается к этой мысли, и с ней нельзя не согласиться. Вывод же, что наличие денежной оплаты труда «свидетельствует о том, что рядом с обычным отношением натурального хозяйства, в котором земельный надел и продукты были основным видом оплаты труда крепост-

¹⁹ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 148.

²⁰ А не наоборот, как полагает В. А. Маркина, причисляя найм к старым, т. е. феодальным формам производственных отношений. (Указ. соч., стр. 190). То, что найм перекочевывает из товарно-денежного мира, где он известен давно, в барщинно-фольварочную систему зачастую еще в период ее зарождения, не дает основания считать найм «старой», органически присущей барщинному фольварку формой производственных отношений.

²¹ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 136.

²² И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства., стр. 126.

ных, росло денежное отношение (подчеркнуто мной.— З. Я.)»²³, можно понять как признание изменений внутренних качеств.

Но появление денежного отношения, т. е. свободной купли-продажи рабочей силы, предполагает ослабление личной зависимости, самостоятельную на деле связь сторон с рынком. Между тем общее укрепление крепостничества не миновало и принудительный найм²⁴. Сочетание принудительного найма с расширением или консервацией внеэкономического принуждения, подмеченное и В. А. Маркиной²⁵, не согласуется ни с выводом И. В. Созина о росте «денежного отношения», ни с выводом В. А. Маркиной о том, что его распространение в конечном итоге «способствовало нарушению, хотя и крайне медленно, традиционных отношений внеэкономического принуждения, подрывало феодальную основу барщинного хозяйства»²⁶.

Непоследовательность состоит не в констатации внутренней антагонистичности принудительного найма, а в показе его динамики как процесса параллельного роста внеэкономического и экономического принуждения — противоположных, в данном случае друг друга исключаящих начал. Эволюция принудительного найма может быть лишь борьбой этих начал, ведущей к усилению одного из них и ослаблению другого, а не к «дружескому сосуществованию». Заложенная в этой форме найма возможность социально-экономических изменений реализуется или нет, в зависимости от исхода «борьбы». На западе Европы, типичным было решение в пользу экономического принуждения, на востоке — в пользу внеэкономического принуждения, т. е. в одном случае принудительный найм сыграл переходную роль, в другом — нет.

Если «денежное отношение» следует понимать так, что при денежной оплате «воспроизводство рабочей силы нанимавшегося крестьянина шло за счет не только натурального источника, но и денежного»²⁷, как пишет В. А. Маркина, то это бесспорно. Но такой «денежный источник» не придает принудительному найму ни капли свободы и товарности. Возьмем для сравнения обратный случай — капиталистических батраков с наделом. В. И. Ленина не смущало, «что сами помещики находят выгодным *наделять их землей* в счет платы»²⁸ и что таким образом воспроизводство рабочей силы формально происходило из «натурального источника». Натуральная форма платы скрывает чистейший капитализм; в нашем же случае денежная оплата маскирует феодальный, натуральный характер взаимоотношений.

Далее, принудительный найм, конечно, подрывал основы барщинного хозяйства, но не тем, что способствовал нарушению принципов внеэкономического принуждения и натурального «обмена услуг»²⁹. Как раз наоборот. Конфликт заключался в том, что внеэкономическое принуждение через барщину ли, через принудительный ли найм, но укреплялось при одновременной товарной эволюции фольварка. Поэтому наступает момент, когда феодальная производственная база уже не в состоянии обеспечить товарный прогресс фольварка, когда все попытки приспособить к себе новые, рожденные развитием товарно-денежных отношений в стране формы производственных отношений оказываются неудачными. Именно поэтому «принудительный наем выступал как историческая категория, имевшая двойное значение в процессе развития

²³ И. В. Со з и н. Помещичье хозяйство южной Польши., стр. 142.

²⁴ И. В. Со з и н. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства., стр. 133, 138.

²⁵ В. А. М а р к и н а. Указ. соч., стр. 189, 174.

²⁶ Там же, стр. 147.

²⁷ Там же, стр. 148.

²⁸ В. И. Л е н и н. ПСС., т. 3, стр. 172.

²⁹ Этому способствовали совсем другие обстоятельства. Принудительный же найм был «как бы единственный «законный» путь расширения феодального угнетения» (В. А. М а р к и н а. Указ. соч., стр. 189, 144, 174).

помещичьего хозяйства». Сперва его применение действительно «помогало укреплению экономических позиций барщинных фольварков», а потом он становится разлагающим фактором, так как не может перерасти в свободный, но не потому, что «с усилением (?— З. Я.) принудительного найма создавалась как бы переходная форма к вольнонаемному труду»³⁰.

Наконец, об аргументации повторяемостью³¹. Безусловно, постоянство, повторяемость явлений требуют к себе самого серьезного внимания. Но критерий повторяемости, будучи количественным показателем, как таковой не содержит доказательств переходной природы принудительного найма. Роль, которую играет повторяемость, сама определяется внутренними качествами повторяющегося явления (ведь даже из ста кроликов не составит одна лошадь!). Между тем от изложения и В. А. Маркиной и И. В. Созина остается впечатление, что принудительный найм, возрастая количественно, меняет качественные показатели. Пока принудительным наймом охвачена $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{3}$ работ, производимых в имении, он еще находится в переходной стадии, а когда все работы, тогда что? Превращается в свободный? Этот переход, являясь переходом от отношений личной зависимости к отношениям зависимости вещной, при усилении крепостничества не может протекать «естественно». Его диалектика не в стихийном перерождении принудительного найма в свободный, путем качественных накоплений (о накоплении каких качеств может идти речь? О накоплении принуждения?), а в развитии свободного найма через вытеснение принудительного. Принудительный найм, в отличие от свободного, держится не силой растущего рынка, а, как и феодальная рента, силой реализации феодальной собственности на землю, силой внеэкономического принуждения. Поэтому условия перехода от принудительного найма к свободному суть общие условия перехода от крепостнического хозяйства к капиталистическому через насильственный подрыв или через полную ломку социально-экономических основ барщинно-фольварочного хозяйства. Крепостнические помехи требуют устранения. При любом варианте почва капитализму расчищается лишь по мере ликвидации проявлений внеэкономического принуждения, принудительного найма в том числе. Способ устранения не безразличен для принудительного найма: он меняет его место в генезисе капитализма. Эволюция наемного труда в принудительной форме на Востоке Европы, следовательно, не может быть похожа на эволюцию принудительного найма в западноевропейских условиях. Она еще меньше похожа на эволюцию свободного наемного труда, «в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства» и который поэтому и «мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия»³², путем простого количественного роста, становясь из исключения правилом.

Теперь по поводу одного «психологического» довода В. А. Маркиной: «Принудительный наем становится переходной формой к вольнонаемному труду, ибо он в известной степени понижал интерес крестьян к ведению собственного хозяйства»³³. Догадка эта представляется нам сомнительной. Понизить интерес крестьянина к ведению собственного хозяйства было не под силу не только принудительному, но и свободному найму. Психология — вещь консервативная, и перемены в ней соверша-

³⁰ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 147, 148.

³¹ См. В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 146; ее же. Магнатское поместье Чарторыйских на Правобережной Украине во второй половине XVIII века. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960 г.», Киев, 1962, стр. 292; И. В. Сагин. Помещичье хозяйство южной Польши., стр. 148—149.

³² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 254, прим.

³³ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 147.

ются, как правило, гораздо позже, чем в материальных условиях жизни. Вероятнее всего, «психология пролетария», о которой, по существу, идет речь, возникает и вырабатывается лишь при капиталистическом найме. В XVIII в. собственное хозяйство было непоколебленным идеалом и крестьянина-барщинника и челядника, а денежное вознаграждение привлекало крестьянина прежде всего как возможность поддержать собственное хозяйство или уплатить налог, оброк.

* * *

Очевидно, идея о переходном характере принудительного найма и вся система доказательств ее правильности навеяны прямой аналогией с классическим типом генезиса капитализма. Рост капитализма в остальбском барщинном фольварке рисуется по образцу роста капитализма в крестьянском товарном хозяйстве или по образцу западноевропейского домена, что неверно.

Свободный найм в крестьянском хозяйстве порождается последовательным применением законов товарного производства к хозяйству, основанному на личном труде. Экспроприация лично свободного или хозяйственно обособленного крестьянина знаменует переход к свободному найму.

Свободный найм в феодальном поместье также порождается логикой развития товарного производства, но уже в хозяйстве, база которого — чужой труд, присваиваемый через внеэкономическое принуждение. В генезисе свободного найма решающим фактором становится эволюция внеэкономического принуждения. В Англии XIII—XIV вв. переход к системе свободного найма происходит при общем ослаблении вотчинной дисциплины и коммутации натуральных рент. Принудительный найм стал поэтому одним из источников свободного. Основным моментом, делавшим это перерождение возможным, «был разрыв феодальной внеэкономической связи между коттером и лордом манора, который являлся в то же время и «нанимателем» (хотя полуфеодалские связи между нанимателем и «оседлым рабочим» долго держатся в аграрной среде)»³⁴.

Неизбежное в фольварке восточноевропейского типа усиление крестьянских несвобод отстраняет принудительный найм от движения к свободному. Пока прогрессирует внеэкономическое бесправие крестьян, экспроприация в барщинном поместье, разлагая личную собственность крестьянина-барщинника, не затрагивает феодальную собственность крепостника на личность крестьянина. Личная зависимость не только не подлежит экспроприации, но упрочняется. Разложение феодальной собственности на рабочую силу крепостного начинается после отмены крепостного права. Только после реформы в сельском хозяйстве создаются формы, переходные к юнкерскому хозяйству и свободному найму. Такой переходной формой являются отработки — «барщина без крепостного права». Тот их тип, который был назван В. И. Лениным отработками второго вида, составляет «прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов»³⁵. Мысль В. И. Ленина о том, что «крупное отработочное хозяйство уступает место крупному капиталистическому не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом создавая слой полузависимых, полубатраков, полусобственников»³⁶, приведенная В. А. Маркиной в подтверждение тезиса о переходной роли принудительного найма³⁷, относится всецело к пореформенному хозяйству и к переходным функциям отработок, а не принудительного найма. Речь идет как

³⁴ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века, М.—Л., 1947, стр. 388.

³⁵ В. И. Ленин. ИСС., т. 3, стр. 200, см. также т. 7, стр. 222.

³⁶ Там же, т. 6, стр. 333.

³⁷ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 232.

раз о том новом, что появилось после реформы в барщинной системе, чего не было до нее и что отличает пореформенные хозяйственные порядки от дореформенных, исключавших «метод» «постепенного и незаметного превращения крепостнической зависимости в буржуазную»³⁸.

Принудительный же найм был одним из факторов, дававших возможность продолжать ведение дореформенного товарного хозяйства в крепостнической среде и на старой социально-экономической основе даже тогда, когда появилась «затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающее поколение крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами», когда становится удобнее пользоваться «трудом тех же крестьян, поставленных материально в худшие условия»³⁹. Предреформенное время — время подготовки предпосылок возникновения как переходных к капитализму форм барщинного хозяйства, так и переходных форм эксплуатации на собственно господских землях. В канун реформы барщино-поместная система исчерпывает свои возможности как система товарного хозяйства, нарушается внутреннее равновесие всей системы в целом. Став товарным, барщинный фольварк тем самым подчинил себя общим закономерностям развития товарного производства. В качестве товарного он на определенном этапе начинает испытывать потребность в распространении товарной формы продукта труда на сам труд. Реализации этой тенденции противостоит феодальная собственность, внеэкономическое принуждение. О невозможности разрешения конфликта этих двух сил на почве крепостничества свидетельствует как рост барщины под воздействием усиления товарности поместья, так и широкое применение принудительного найма вместо свободного и не выходящее за рамки спорадического употребления свободного найма. Конфликт вызвал социально-экономическую необходимость ликвидации или хотя бы подрыва основ натуральных производственных отношений, без чего создание переходных форм исключалось. База свободного найма, а тем самым капитализма, создавалась не дальнейшим развитием системы товарного хозяйства, построенного на внеэкономическом принуждении, а ее разрушением.

К предреформенному времени относится также подготовка в поместьях некоторых материальных условий свободного найма. Поскольку некоторые виды челядничества требовали фольварочного инвентаря⁴⁰, постольку они способствовали закладке материальных основ более быстрого перехода поместий после реформы от отработок к свободному найму⁴¹. При этом использование господского инвентаря до реформы было чисто феодальным, т. е. помещик выступал как владелец земли, а не как владелец денег, нанимающий рабочего; возможность же капиталистического использования владельческого инвентаря достигалась лишь в процессе превращения отработок в свободный найм, а барина в юнкера.

Такой нам представляется природа и эволюция принудительного найма, на распространенность которого в районах наибольшего обезземливания мы хотели обратить внимание. Характер найма — одна из важней-

³⁸ В. И. Ленин. ПСС., т. 6, стр. 333.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС., т. 1, стр. 517.

⁴⁰ В. А. Маркина. Указ. соч., стр. 148; И. В. Созин. Помещичье хозяйство южной Польши., стр. 138.

⁴¹ Помещики обзаводились фольварочным инвентарем и скотом задолго до отмены крепостного права, а не только с XVIII в. (см., напр. В. А. Дворецкая. Польские крестьяне с конца XVI и по конец XVII века. Автореф. канд. дисс., Л., 1958, стр. 12). О масштабах и распространенности этого явления в XVI—XVII вв. мало что известно. Безусловно, его значение для фольварков тех времен было иным, чем для фольварков последних предреформенных десятилетий. Но, чтобы избежать преувеличения значимости появления господского инвентаря в процессе разложения феодальных производственных отношений, не лишне помнить, что это новое явление не столь уж и ново.

ших частных проблем, то или иное решение которой имеет прямое отношение к определению «уровня буржуазности» крестьянского расслоения и уж во всяком случае к порайонной специфике этого процесса.

